
ПАДЕЖИ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАТИВНОГО ПРОГНОЗА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.А. Лутин

Кафедра русского языка
Московский авиационный институт (ГТУ)
Волоколамское ш., 4, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена развитию положения Г.П. Мельникова о прогностических свойствах языков с событийным коммуникативным ракурсом применительно к русской падежной системе.

Ключевые слова: грамматика, категория падежа, падежная система русского языка.

Выдающийся российский лингвист Г.П. Мельников, создатель системной лингвистики и системной типологии языков, говоря о главном системообразующем свойстве флективных языков номинативного типа, подчеркивал, что «каким бы ни был реальный *повод* для коммуникации и тот конечный *сюжет*, который в результате воспринятого сообщения создаст в своем сознании слушающий под воздействием *смысла* высказывания, смысл этот по возможности должен направлять творческое воображение слушающего по такому руслу, чтобы сюжет „просматривался“ через сценарий *развивающегося события*, т.е. в *событийном* коммуникативном ракурсе... по мере разрастания однородного языкового коллектива становится все более целесообразным именно событийный коммуникативный ракурс, ибо никакой иной... не обеспечивает для слушающего такой **высокой способности прогнозирования** и, следовательно, надежного восприятия содержания при очень длительных цепях передачи и ретрансляции сообщений, характерных для больших однородных языковых коллективов, и только для них» [1. С. 118].

Способность прогнозирования может быть обеспечена, по Г.П. Мельникову, такой техникой передачи информации, которая предусматривает «возможность проверки совпадения того, что хотел выразить говорящий, с тем, что понял слушающий. Но для этого говорящий должен сообщить слушающему, хотя бы в общих чертах, каков его замысел, чтобы слушающий мог сравнить этот замысел с реально услышанным сообщением и в случае совпадения убедиться, что содержание понято правильно, а в случае несовпадения — прервать говорящего и выявить причину недоразумения» [1. С. 117].

Одним из основных элементов языковой техники, обеспечивающей ту способность прогнозирования, о которой говорил наш учитель и которую мы называем *коммуникативным прогнозом*, является в русском языке система падежей.

В ряде наших ранее опубликованных работ мы определили падеж существительного как словоизменительную грамматическую категорию, выражающуюся в системе противопоставленных друг другу рядов форм, **с помощью которых оформляется представление говорящего (пишущего) о коммуникативно значимой роли каждого из участников описываемой ситуации** [2. С. 8].

Это определение напрямую связано с пониманием Г.П. Мельниковым типовой композиции высказывания, имеющего целью изобразить сюжет в виде развивающегося события: «Сначала должен быть назван *субъект*, из знаний хотя бы самых общих свойств которого слушающий делает предположение, какое *действие* может осуществить этот субъект. Далее должно быть названо действие с формальным указанием на то, что именно данный субъект является его производителем и *инициатором*. После этого у слушающего (в тексте монографии написано „...у говорящего...“, что является явной опиской автора или наборщика) возникают предположения, какого класса „соучастники“ могут быть втянуты в результате данного *инициального* действия и какова доля их участия в развивающейся таким образом *системе действий*, т.е. в *событии*. Если эти прогнозы подтверждаются тем, что дальше сообщит говорящий, то тем самым практически оказывается исключенной возможность, что содержание понято неверно» [1. С. 117—118].

В развитие приведенных основополагающих взглядов Г.П. Мельникова мы хотели бы рассмотреть в данной статье те *виды и механизмы коммуникативного прогноза*, которые обеспечиваются в русском языке падежной системой.

Каким образом, увидев слово в том или ином падеже, слушающий понимает, на какую роль соответствующего референта в описываемом событии пытается указать ему говорящий? Иначе говоря, какие именно предположения о роли и месте референта в событии можно сделать на основании падежной маркировки его имени в предложении (синтагме)?

Вместе с тем было бы интересно понять, какие предположения о месте и роли самой словоформы в данном предложении (синтагме) можно сделать, исходя из падежной маркировки имени?

С другой стороны, если мы можем ответить на предыдущие вопросы, то не можем ли мы, ориентируясь на знания о роли референта в описываемом событии и его имени в предложении, сделать какие-либо предположения о содержании самого события и о синтагматическом окружении слова *лишь по его падежному оформлению*? Другими словами, можем ли мы осуществить не только «отглагольный», но и «отыменной» *прогноз*, что особенно важно для русского языка как языка с нефиксированным порядком слов.

Мы предполагаем, что на основании падежной формы существительного потенциально можно сделать следующие виды коммуникативного прогноза: (1) функциональный прогноз, т.е. прогноз коммуникативно значимой роли референта в описываемом событии; (2) синтаксический прогноз, т.е. прогноз синтаксической роли имени референта в предложении; (3) прогноз грамматической дистрибуции, т.е. прогноз категориальных грамматических свойств окружающих эту словоформу компонентов высказывания; (4) прогноз лексической дистрибуции, т.е. прогноз лексического окружения. При этом любой падеж способен обеспечить функциональный прогноз; способность обеспечить остальные виды прогноза присуща падежам лишь выборочно.

Если слово употреблено в одном из косвенных приглагольных падежей, то общающимся на русском языке становится, в первую очередь, понятным, что соответствующий референт является непосредственным участником актуально

описываемой ситуации, в отличие от ИП, который сам по себе указывает лишь на потенциальную готовность референта участвовать в событии в качестве его генератора (инвариантную функцию ИП мы определяем как *маркирование имени генератора потенциального события* [2. С. 11]). Во-вторых, становится понятно, что он не является генератором данного события. Роль же и степень его участия в событии маркируется говорящим и понимается слушающим посредством того или иного падежа. Поясним данные положения на примере двух падежей — творительного и именительного. Если говорящий маркирует имя партиципанта творительным падежом (далее — ТП), то он, в первую очередь, указывает слушающему на высокую степень причастности референта к развитию события — участие в качестве вторичного генератора (инвариантной функцией творительного падежа является *маркирование имени вторичного генератора события*) [2. С. 14]. Таким образом, падежная форма ТП обеспечивает функциональный прогноз.

Однако, в отличие от ИП, о котором подробнее будет сказано ниже, ТП обладает широким кругом собственно падежных значений. Поэтому далее, опираясь на лексическое значение слова и сопоставляя его с кругом потенциальных грамматических значений этого падежа (орудийного, совместного действия, объектного и т.д.), реципиент может с достаточной высокой степенью вероятности сделать прогноз о **текущем лексико-грамматическом значении** словоформы в данном предложении и уже на основании этого сделать достаточно уверенный синтаксический прогноз. Так, например, будучи маркированной ТП, словоформа *топором* вероятнее всего будет иметь текущее орудийное значение в силу орудийной семантики самой лексемы и наличия среди потенциальных грамматических значений ТП орудийного значения. Имея такое лексико-грамматическое значение, словоформа *топором* не может быть объектом действия и, следовательно, косвенным дополнением, а может быть лишь **обстоятельством**, способствующим реализации действия (синтаксический прогноз). При этом, безусловно, нельзя исключить и другой синтаксической роли этой словоформы в беспредложном ее употреблении (например, дополнения в предложениях со словосочетаниями *любоваться/интересоваться/быть довольным топором*), поскольку сам ТП может иметь и грамматическое значение объекта действия; но оно будет менее ожидаемо и прогнозируемо, чем орудийное.

Так, если в рассказе встретится правильное со всех точек зрения предложение *Топором этим он всегда восхищался*, то такой рассказ должен быть с высокой степенью вероятности продолжен описанием особых свойств названного топора, которые и вызвали столь «непрогнозируемый» глагол и столь маловероятную синтаксическую роль словоформы *топором*. Если же говорящий на этом остановится, возникнет то самое несовпадение коммуникативного прогноза слушающего (который ждет лексическую дистрибуцию «*рубил/убил*» и обстоятельственного значения) с реально услышанным сообщением; и слушающий будет вынужден «прервать говорящего и выявить причину недоразумения» [1. С. 117] с помощью, например, вопроса: «*А почему (этот топор вызывает такое восхищение)?*»

Если рассмотреть с указанных позиций словоформу *книгой*, где значение лексемы не имеет никакой особой коннотации, то, услышав (увидев) эту словоформу,

реципиент, исходя из лексического значения этого слова, представления об инвариантной функции ТП и о круге потенциальных грамматических значений этого падежа, с достаточной степенью вероятности может предположить, что оно выступит в предложении в своем объектном значении, став дополнением при глаголах группы *любоваться/интересоваться/быть довольным*. Прогнозируемое с достаточной уверенностью появление глаголов этой группы говорит о том, что даже лексически не коннотированное слово, оказавшись в форме ТП, обладает способностью и к грамматическому, и даже к лексическому прогнозу. Это не значит, что нам не может встретиться другой контекст (например, с орудийным значением: *ударить одноклассника книгой по голове*), но его вряд ли можно считать прогнозируемым, т.е. в данном случае таким, к которому предрасположена словоформа *книгой*.

Ничем принципиально не отличаются и прогностические свойства, например, словоформы *лесом*: вероятнее всего, это будет обстоятельство (синтаксический прогноз) при глаголе движения (прогноз лексической и грамматической дистрибуции), при этом падежная форма этого обстоятельства будет указывать на то, что референт участвует в развитии события не просто как место его протекания (в отличие от *по лесу, в лесу*), а как вторичный генератор этого события: по аналогии с *дорогой, тропинкой*, он как бы (т.е. метафорически) ведет путника, определяя маршрут его движения (функциональный прогноз). При этом оговоримся еще раз: речь идет именно **о прогнозе, т.е. вероятностном предположении** определенных свойств; так, в случае со словоформой *лесом* возможно и ее объектное употребление (*интересоваться, любоваться, быть довольным лесом*), но почти невозможно орудийное, социативное, временное и т.д. значения.

Другими словами, мы можем не только однозначно предположить словоформу в ТП после, например, глагола *интересоваться*, но и с определенной степенью вероятности предположить объектное значение словоформы *книгой* и, следовательно, ее синтаксическую роль дополнения при глаголах группы *интересоваться*, т.е. осуществить не только «отглагольный» прогноз грамматической дистрибуции (традиционно признаваемый и называемый управлением), но и «отыменной» прогноз грамматической и даже лексической дистрибуции.

Ничем принципиально не отличается ситуация и с одушевленными существительными, которые, будучи маркированы ТП, оказываются предрасположенными либо к предикативному употреблению при знаменательных и полужнаменательных связках типа *стать, являться, считаться кем-л./чем-л* (*стать отцом, считаться героем* — очевидная возможность «отыменного» грамматического и лексического прогноза), либо к субъектному в пассивных конструкциях (*Дом построен рабочими* — грамматический прогноз пассивной конструкции, при невозможности, правда, лексического прогноза на основе семантики ТП).

Подчеркнем еще раз: при «отыменном» прогнозе есть именно предрасположенность, большая вероятность, прогнозируемость, хотя и нет однозначности; но **выбор из двух — это уже не выбор из всех**, т.е. налицо высокая прогностическая способность).

Таким образом, по отношению к глагольным словосочетаниям с беспредложным ТП мы можем говорить об их **двусторонней лексико-грамматической прогнозируемости**, а по отношению собственно к ТП о том, что на основе его грамматических свойств:

— функциональный прогноз	возможен (+);
— синтаксический прогноз	возможен (+);
— прогноз грамматической дистрибуции	возможен (+);
— прогноз лексической дистрибуции	возможен (+).

Рассмотрим с этой точки зрения именительный падеж (далее — ИП), инвариантную функцию которого мы определяем, напомним, как *маркирование имени генератора потенциального события* [2. С. 11].

Это значит, что, увидев/услышав слово в ИП, адресат может с высокой степенью вероятности предположить, что далее может последовать высказывание, в котором референт названного в ИП имени будет изображен говорящим в качестве генератора последующего события. Другими словами, исходя из представления об инвариантной функции ИП, можно сделать прогноз о той *функции*, в которой говорящий предполагает изобразить референт данного имени, т.е. осуществить функциональный прогноз.

С другой стороны, мы не можем по одной лишь словоформе в ИП сделать никакого синтаксического прогноза, т.е. прогноза о синтаксической роли словоформы в предложении: сам ИП не указывает нам на то, является ли слово подлежащим (субъектом (*Книги лежат на столе*) или объектом (*Книги прочитаны*)), или входит в сказуемое (*Мое главное увлечение — книги*), или выступает в роли именительного представления (*Москва!.. Как много в этом звуке...*) — никакой собственно синтаксической информации словоформа в ИП сама по себе не несет.

Не можем мы сделать и никакого прогноза о грамматической дистрибуции словоформы в ИП, т.е. сделать предположение хотя бы о каких-нибудь категориальных грамматических свойствах компонентов высказывания, окружающих эту словоформу.

Что касается возможности прогнозирования лексической дистрибуции на основе падежного значения, то об этом вообще нельзя вести речь применительно к ИП, т.к. этот падеж не имеет собственно падежного значения, как, например, значение орудийности у ТП или локативности у ПП (ср.: говоря о наличии различных значений у различных падежей, таких как адресата, орудийности и т.п., авторы Грамматики-80 отмечают, что в этом смысле «субъектное значение им. п., как правило, ничем не осложнено» [3. § 1157]), т.е. падежная маркировка не привносит в лексическую семантику словоформы никакого дополнительного семантического оттенка. Другими словами, прогноз лексической дистрибуции словоформы в ИП осуществляется исключительно на основе лексической семантики слова.

Таким образом, на основе **грамматических** свойств ИП:

— функциональный прогноз	возможен (+);
— синтаксический прогноз	невозможен (–);
— прогноз грамматической дистрибуции	невозможен (–);
— прогноз лексической дистрибуции	невозможен (–).

К сожалению, объем данной статьи не позволяет нам рассмотреть с указанных позиций все русские падежи. Несмотря на это, нам хотелось бы в заключение привести полную таблицу прогностических способностей русских падежей, которая, на наш взгляд, выглядит следующим образом (табл.).

Таблица

Таблица прогностических способностей русских падежей

Падеж	Вид прогноза			
	функцио- нальный	синтак- сический	прогноз грамматиче- ской дистрибуции	прогноз лексиче- ской дистрибуции
Именительный	+	–	–	–
Родительный приименный	+	–	–	–
Дательный	+	+	+	+
Винительный	+	+	+	–
Творительный	+	+	+	+
Пред- ложный	локатив	+	+	–
	делибератив	+	+	–

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. — М.: Наука, 2003.
- [2] Лутин С.А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филологич. наук. — М.: Изд-во РУДН, 2008.
- [3] Грамматика русского языка. — М., 1980. — Т. I—II.

RUSSIAN CASES AS A MEANS OF COMMUNICATIVE FORECAST

S.A. Lutin

Russian language chair
Moscow Aviation Institute
Volokolamskoye shosse, 4, Moscow, Russia, 125993

The article is dedicated to the development of Melnikov' thesis of a forecasting ability of the languages with Event Communicative Perspective which is applied to the Russian Case system.

Key words: grammar, category of case, case system of Russian language